

Глава 2

У магистра Бай Е из храма Цинмин было два ученика. Бай Цзыхао был его предпоследним учеником, а Бай Цзыму — последним. О Бай Цзыму почти ничего не было известно, его даже никто не видел. Во времена, когда храм Цинмин ещё процветал, послушники встречали только Бай Цзыхао.

Но хотя самого Бай Цзыму никто и не видел, все знали, что магистр Бай Е и старший брат Бай Цзыхао безмерно его любили.

Откуда это было известно?

Говорили, что Бай Цзыму обожал бамбук, и магистр приказал засадить им всю гору, а также повсюду искал для своего младшего ученика лучшие лакомства.

А Бай Цзыхао...

Совершенствование до определённого уровня могло продлить жизнь, но Бай Цзыму больше всего на свете любил спать. Из трёхсот дней уединения двести девяносто девять он проводил во сне.

Когда Бай Е принёс Бай Цзыму в храм, тому было всего два месяца от роду. Однако его духовные корни и способности были выдающимися. Повзрослев, он проявил недюжинный ум: всё схватывал на лету, обладая первоклассной проницательностью. Когда ему исполнилось два года, Бай Е дал ему пилюлю бигу и пилюлю формирования, после чего отправил в уединение, чтобы тот поскорее начал совершенствоваться и принял человеческий облик.

Но в итоге Бай Цзыму провёл в уединении двадцать лет. С его талантом, да ещё и с помощью пилюли высшего качества, он должен был бы уже давно трансформироваться. Однако он всё не выходил. Бай Е, обеспокоенный, что с учеником что-то случилось, ворвался в пещеру и обнаружил Бай Цзыму, мирно спящего на каменном ложе. Под ним растекалась целая река слюны.

Поняв, что младший брат предпочитает сон совершенствованию, Бай Цзыхао стал сильно беспокоиться, опасаясь, что тот однажды просто не проснётся, когда его жизненный срок подойдёт к концу. Он забросил тренировки с мечом и вместо этого посвятил себя изучению алхимии, создавая для Бай Цзыму множество пилюль продления жизни.

Теперь мастера не стало, храм Цинмин был разрушен. Собрав небольшой узелок, Бай Цзыму решил отправиться на поиски своего самого любящего старшего брата.

Но, оказавшись в городе, среди снующих туда-сюда людей и переплетения улиц, он растерялся, не зная, где его искать.

Бай Цзыхао покинул храм несколько десятилетий назад, и его местонахождение было неизвестно. Бай Цзыму нарисовал его портрет и показывал прохожим, но никто не видел его старшего брата.

Бай Цзыхао был очень красив. В очках и галстукe он походил на изысканного негодяя или утончённого злодея. Если бы он появился в городе А, его лицо наверняка бы запомнилось.

Но прошло шесть лет поисков, и никто так его и не узнал. Бай Цзыму снова начал расследовать дело о взрыве храма Цинмин и пришёл к выводу, что тех японских солдат, должно быть, уничтожил его брат.

Более того, некоторые старики из деревни Минцин рассказывали, что в ночь, когда храм был взорван, небо сотрясали громы и молнии, и дул ураганный ветер...

Совершенствующийся, совершивший злодеяние, навлекает на себя небесную кару.

Его старший брат... должно быть, был поражён молнией и давно превратился в призрака.

Иначе он бы никогда не оставил его одного.

У-у-у, брат!

От этих мыслей Бай Цзыму так расстроился, что даже аппетит пропал. Он с трудом съел небольшую порцию говяжьей лапши и, утирая слёзы, пошёл на стройку.

Отныне он будет спокойно таскать кирпичи на стройке и прекратит поиски.

Так прошло десять лет.

За это время Бай Цзыму сменил старенький кнопочный телефон на смартфон и стал владельцем транспортного средства, хоть и двухколёсного. Теперь у него было не только высшее образование, но и жёлтая униформа курьера, а также постоянный доступ к еде. Недавно ему даже позвонили с передачи «Истории успеха» и пригласили стать гостем...

Телефон пискнул.

Бай Цзыму поспешно взглянул на экран — пришёл новый заказ.

Что ж, хватит хвастаться, пора за работу.

Сегодняшний клиент, заказавший несколько стаканов молочного чая, находился в зоопарке.

Подъехав к главному входу, Бай Цзыму увидел над воротами красный транспарант с приветствием некоему Фуфу. Рядом стояло несколько больших фотографий.

Устроили целый праздник.

Всего лишь из-за какой-то панды.

Когда он сам спустился с горы, его почему-то никто так не встречал.

Бай Цзыму почувствовал укол зависти.

Раньше в зоопарке города А панд не было. Теперь одного привезли самолётом, и сегодня состоялся его первый выход к публике. Это привлекло множество людей, и в зоопарке было не протолкнуться.

Подумав, Бай Цзыму тоже купил билет и вошёл.

Вокруг вольера с пандой собралась плотная толпа. Неизвестно, что там вытворяла панда, но люди восторженно кричали. Бай Цзыму, как ни старался, не мог протиснуться сквозь них. Только к полудню, когда жара усилилась и народ немного рассосался, он наконец увидел Фуфу, который лежал на камне и с наслаждением грыз бамбук.

Стебель бамбука был толщиной с голень, свежий и сочный. Увидев это, Бай Цзыму почувствовал, что его глаза вот-вот вылезут из орбит.

Чёрт возьми.

Он уже почти десять лет не ел такого хорошего бамбука.

Почему такая несправедливость? Он, панда, достиг совершенства, ведёт активный и прогрессивный образ жизни, любит природу, дружит с людьми и даже пожертвовал свой бамбуковый лес ради строительства цивилизованного города. А теперь, чтобы заработать на еду, вынужден таскать кирпичи и жертвовать сном. А эта панда в вольере просто лежит, и его кормят. Разница в обращении вызвала у него острую медвежью зависть.

Он так ревновал, что у него покраснели глаза.

— Бро, — обратился Бай Цзыму к панде, вцепившись в решётку, — вкусно?

Он говорил на языке панд. Панда в вольере сначала замерла, потом начала оглядываться по сторонам и, наконец, её взгляд остановился на Бай Цзыму.

— Старина, это ты со мной говоришь? — неуверенно спросил он.

Бай Цзыму чуть не закатил глаза.

— А кто же ещё?

Фуфу был потрясён.

— Ты что, в таком виде? Ты что, совершенствовался?

Бай Цзыму кивнул.

— Ага.

— Да ты с ума сошёл! — Фуфу даже бамбук есть перестал. Он свернулся в клубок и подкатился к Бай Цзыму.

Посетители восторженно закричали и бросились фотографировать.

Фуфу, не обращая на них внимания, сказал Бай Цзыму:

— После основания нового государства духам запрещено принимать человеческий облик. Если тебя поймают, то казнят. Как ты мог быть таким безрассудным и пойти на верную смерть?

— Я начал совершенствоваться двести лет назад, — ответил Бай Цзыму. — Тогда ещё была династия Цин, и это было разрешено.

Ходить на четырёх лапах — что в этом хорошего? Человек произошёл от обезьяны, ходьба на двух ногах — признак эволюции. Он не хотел тратить время на споры с тем, кто до сих пор передвигался на четвереньках.

— А кормят тебя тут неплохо.

— Ещё бы! — с гордостью заявил Фуфу, перекаtywаясь на спине и строя милые рожицы под восторженные крики толпы. — Я теперь национальное достояние! Кормят по высшему разряду.

— Где ты берёшь этот бамбук? — спросил Бай Цзыму, облизываясь. — Я бы тоже хотел купить пару стеблей.

Фуфу по-медвежьи подрыгал короткими лапками и, подумав, ответил:

— Говорят, из Сычуани самолётом доставляют.

Бай Цзыму кивнул.

— Вот оно что!

Видя, что дела у него идут не очень, Фуфу из доброты душевной предложил:

— Послезавтра приедет ещё один наш брат. Хочешь, оставайся со мной? Еда, жильё, всё будет.

Жизнь на всём готовом была, конечно, соблазнительной, но Бай Цзыму считал себя пандой прогрессивной, стремящейся к великим свершениям. Он твёрдо решил не идти на поводу у этого ленивого создания.

— Нет, спасибо, — надменно произнёс Бай Цзыму. — Если панда, появившись на свет, не совершит ничего великого, сотрясающего небо и землю, то её жизнь прожита зря.

Панда уставилась на него, как на сумасшедшего.

— Мои высокие моральные принципы тебе не понять, — махнул рукой Бай Цзыму. — Ладно, я пошёл, брат.

— Подожди, — окликнул его Фуфу.

— Что, хочешь дать мне пару стеблей бамбука?

— Нет. — Фуфу оказался весьма начитанной пандой. — Встреча через тысячи ли — это судьба, а если нет судьбы, то и рука в руке не сойдётся. Раз уж нам суждено было встретиться, я дам тебе совет: не используй больше свою магию.

Бай Цзыму почесал голову.

— Почему?

— Небесная молния ударит, — прошептал Фуфу.

Бай Цзыму не поверил.

Наверняка пугает.

Увидев его недоверие, Фуфу забеспокоился.

— Не веришь? Да я не вру, можешь поспрашивать, все знают, что я, Фу-старший, самый честный и порядочный. Был у меня один знакомый, тоже решил совершенствоваться, так его молнией испепелило, даже праха не осталось.

Бай Цзыму засомневался.

Неужели так серьёзно?

— Я ведь хороший, — неуверенно пробормотал он. — Меня-то за что?

Фуфу смерил его взглядом.

— Тот мой знакомый шесть лет носил красный галстук и перевёл через дорогу двадцать шесть старушек. И всё равно его ударило.

Бай Цзыму промолчал.

Лето — сезон гроз. В два часа ночи, когда все спали, Бай Цзыму всё ворочался в кровати. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним вставал тот самый бамбук толщиной с руку. В конце концов, не выдержав мук голода, он вскочил с постели, принял свой истинный облик и полетел в сторону Сычуани.

Смерть трусам, а храбрым — пир горой.

Он не верил в эту чушь.

Чёрная тень стремительно пронеслась по небу. Пролетая над городом Б, он уже собирался миновать высокое здание, утыканное громоотводами, как вдруг с грохотом ударила молния толщиной с руку, целясь прямо в него.

Бай Цзыму не успел даже выругаться.

Что ж, теперь действительно придётся идти на поклон к старшему брату.

...

Государство Великая Чжоу, деревня Сяошань.

Прошлой ночью прошёл сильный ливень, но к утру небо снова прояснилось.

Цзян Сяои, приготовив завтрак, вышел из кухни. В этот момент во двор вошёл его отец, неся на коромысле два ведра с водой.

— Папа, — сказал Цзян Сяои, беря корзину за спину, — завтрак готов, не забудь поесть.

Отец Цзян посмотрел на него.

— На гору собрался?

— Ага, — кивнул Цзян Сяои.

После дождя в горах наверняка выросло много грибов. Если повезёт и он соберёт много, можно будет высушить и продать в городе. За один цзинь давали больше двадцати вэней.

Семья Цзян жила бедно. Земли у них было мало, и урожая, который они собирали, трудясь круглый год без отдыха, не хватало, чтобы прокормиться.

В семье было четверо: Цзян Сяои был старшим, а под ним росли два брата-близнеца, Цзян Сяозэр и Цзян Сяосань.

Цзян Сяосань был немного не в себе, глуповат, а Цзян Сяозэр — болезненным ребёнком. Он едва мог пройти три шага, чтобы не остановиться и не закашляться. Кашлял он и днём, и ночью. Врач сказал, что это врождённое и можно только поддерживать его здоровье.

Семья Цзян и так была бедна, а с больным ребёнком на руках стало совсем туго. Теперь им даже на еду не хватало.

— Ты поел? — спросил отец Цзян.

— Поел, — ответил Цзян Сяои и поспешил на улицу. Небо только-только начало светлеть. Нужно было торопиться, иначе другие грибники всё соберут.

Отец Цзян вошёл в кухню. На плите стояла большая миска каши из диких овощей — овощей было много, а риса мало. Он открыл крышку рисового ларя. Необработанного риса в нём не убавилось. Значит, кашу сварили из вчерашних остатков.

Вчера вечером осталось совсем немного риса. А сейчас в миске была полная порция. Цзян Сяои, должно быть, не съел ни ложки.

Отец Цзян вздохнул и, закрыв ларь, вышел на улицу.

Горная тропа была скользкой и труднопроходимой. Цзян Сяои с корзиной за спиной перевалил через два холма, но собрал лишь полкорзины грибов.

Он встал рано, но кто-то оказался проворнее. Многие уже было собрано.

На душе стало тоскливо. Запасы зерна подходили к концу, до осеннего урожая оставалось ещё два месяца, а у второго брата заканчивалось лекарство...

— Эх.

Он вздохнул и, набравшись смелости, пошёл вглубь леса.

<http://bllate.org/book/13701/1580648>